

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 2, pp. 320–333, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-320-333
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 821.512.37+82–144

Поэтика баллады в калмыцкой поэзии XX в. (Д. Кугультинов, М. Хонинов)

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
 ORCID ID: 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

Аннотация. *Введение.* Развитие советской калмыцкой поэзии в 1930-е гг. сопровождалось освоением новых жанров, в том числе заимствованных из русской советской литературы. Одним из таких жанров стала литературная баллада, которая, не имея аналогов в калмыцком фольклоре, ориентировалась на традицию русской советской баллады, активно осваивалась поэтами в 1960–1970-е гг., а в 1980-е гг. наметилось снижение авторского внимания к этому жанру. Актуальность исследования определена малоизученностью калмыцкой баллады прошлого века. Проблемность обусловлена выяснением места этого жанра в истории калмыцкой литературы, выявлением круга авторов баллады. *Цель.* Изучение общей эволюции калмыцкой баллады не входит в задачи статьи, которая ограничена рассмотрением поэтики репрезентативных баллад Д. Кугультинова и М. Хонинова для определения состава и функционирования этого жанра в поэзии этих авторов в 1960–1980-е гг. *Методы.* Сравнительно-сопоставительный метод позволяет определить авторские стратегии поэтов в области избранного ими жанра баллады, а также роль переводчиков в интерпретации оригинального текста для русскоязычного читателя. *Результаты.* В калмыцкой поэзии советского периода литературная баллада не стала ведущим жанром, несмотря на обращение к ней — эпизодическое или постоянное — ряда поэтов в разные периоды их творчества — Г. Дабаева, Б. Дорджиева, М. Нармаева, Л. Инджиева, Б. Сангаджиевой, А. Балакаева, В. Нунова. Среди баллад особо выделяются три баллады Д. Кугультинова (1970–1980-е гг.), более десяти баллад М. Хонинова (1960–1970-е гг.). Несмотря на то, что самим Д. Кугультиновым баллады не маркированы, эти стихи сохраняют признаки жанра как со стороны формы, так и со стороны содержания, носят лиро-эпический характер, философичны и дидактичны в тематическом ракурсе: борьба добра и зла, морально-нравственные конфликты, сила художественного слова. Военная баллада М. Хонинова опирается на традиции русской военной баллады с ее героикой, патриотизмом, жертвенностью, темой исторической памяти, автобиографизмом. При этом оба поэта сохраняют особенности калмыцкой версификации, в основном анафоры (единоначатия). Балладный стих в поэзии двух поэтов прошлого века не имел строгой связи с определенным метром, строфикой и рифмовкой, но включал обязательную анафору, что подтверждают примеры стихотворений обоих поэтов. Заметна роль переводчиков в актуализации жанрового потенциала калмыцких авторов. *Выводы.* Изучение калмыцкой баллады прошлого века позволяет выявить заимствованный жанр в истории калмыцкой литературы, его генезис, состав и функционирование в 1960–1980-е гг.,

соотношение формы и содержания, национальный вектор на примере избранных авторов.

Ключевые слова: калмыцкая баллада, Давид Кугультинов, Михаил Хонинов, перевод, Великая Отечественная война, традиция

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Поэтика баллады в калмыцкой поэзии XX в. (Д. Кугультинов, М. Хонинов). *Oriental Studies*. 2019;(2):320-333. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-320-333.

UDC 821.512.37+82–144

20th-Century Kalmyk Poetry: Poetics of the Ballad (a Case Study of Works by D. Kugultinov and M. Khoninov)

*Rimma M. Khaninova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand.Sc. (Philology), Leading Research Associate
ORCID ID: 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

Abstract. Introduction. The 1930s development of Soviet Kalmyk poetry was characterized by the introduction of new genres, including ones borrowed from Soviet Russian literature. The literary ballad proved one of those genres: it had no analogues within Kalmyk folklore and, thus, was patterned after the Soviet Russian ballad tradition, having been actively turned to by domestic poets in the 1960s-1970s (followed by a decline in the 1980s). The study is currently topical enough since the 20th-century Kalmyk ballad is still understudied, and aims to identify the role of the genre in the history of Kalmyk literature, delineating the circle of authors to have used the genre. **Goals.** The article does not seek to investigate the general evolutionary line of the Kalmyk ballad, being limited to insights into poetics of most representative works by D. Kugultinov and M. Khoninov for the determination of the structure and functioning features of the genre in the authors' poetry throughout the 1960s to 1980s. **Methods:** The comparative method makes it possible to trace the authors' strategies and examine the translators' role in respective Russian-language interpretations of original texts. **Results.** Despite episodic or constant interest towards the genre displayed by a number of poets in different periods and stages, including G. Davaev, B. Dordzhiev, M. Narmaev, L. Indzhiev, B. Sangadzieva, A. Balakaev, V. Nurov, — the literary ballad never became a leading genre in Soviet Kalmyk poetry. The most remarkable works are three ballads by D. Kugultinov (1970s–1980s) and ten ballads by M. Khoninov (1960s–1970s). Although D. Kugultinov did not identify those ballads as such, the poems still retain definite features of the genre both in terms of form and contents, being essentially lyrical and epic, thematically philosophical and didactic: the fight of good and evil, moral conflicts, the power of artistic declamation. Military ballads of M. Khoninov rest on the tradition of the Russian military ballad with respective heroism, patriotism, self-sacrifice, historical memory and autobiographical nature. Meanwhile, both poets stick to the Kalmyk versification patterns characterized by wide use of anaphora. The ballad verse patterns of theirs have no strict ties to any certain metrical line, stanza or rhyme system — but definitely include anaphora which is evident from examples of poems by both poets. The translators played a significant role in actualizing the genre potential of the Kalmyk authors. **Conclusions.** The insight into the 20th-century Kalmyk ballad makes it possible to identify the borrowed genre in the history of Kalmyk literature, tracing its genesis, structure and functioning features in the 1960s-1980s, with due regard of form and content, the national vector as exemplified by the works selected.

Keywords: Kalmyk ballad, David Kugultinov, Mikhail Khoninov, translation, Great Patriotic War, tradition

Acknowledgment: The study was conducted within the framework of the state subsidy — the project 'Oral and Written Heritage of the Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (Reg. No. АААА-А19-119011490036-1).

For citation: Khaninova R. 20th-Century Kalmyk Poetry: Poetics of the Ballad (a Case Study of Works by D. Kugultinov and M. Khoninov). *Oriental Studies*. 2019;(2):320-333. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-320-333.

Введение

Один из древних лиро-эпических жанров, распространенный в фольклоре и литературе Европы и России, до сих пор полемически обозначен в современном литературоведении. Исследователи жанра баллады установили, что этим термином обозначают иногда далекие друг от друга явления: твердые формы прованской лирики со сквозной системой рифмовки; произведения, близкие к народным историческим и любовным песням; тяготеющие к поэмам сочинения русских и европейских романтиков XVIII–XIX вв.; современные, динамично развивающиеся формы [Травников, Ольшевская 2006: 3]. В истории русской баллады ученые выделяют два периода: фольклорный и литературный, при этом фольклорные и литературные жанры в XVII–XX вв. активно взаимодействовали.

Генезис калмыцкой баллады не связан с национальным фольклором, в котором отсутствовал подобный жанр. Появление литературной баллады в калмыцкой поэзии 1930-х гг., начиная с «Баллады о будущем» 'Хөөтин баллад' (1936) Г. Даваева, обусловлено влиянием русской советской баллады [Ханинова 2019: 194–206].

Баллада, будучи заимствованным жанром в калмыцкой поэзии, не была распространенным явлением в советском периоде. Внимание литературоведов к калмыцкой балладе было эпизодическим в общем изучении, например, поэзии отдельного автора [Килганова 1971: 101–113] или калмыцкой поэзии военных лет [Мусова 1977: 82–98] на материале русских переводов произведений М. Хонинова («Баллада о портрете») и Л. Инджиева («Наводчик Бригада»).

Несмотря на то, что в творчестве калмыцких поэтов — Г. Даваева, Б. Дорджиева, Л. Инджиева, М. Нармаева, М. Хонинова, Д. Кугультинова, Б. Сангаджиевой, А. Балакаева, В. Нурова — баллада представлена единичными или несколькими образцами, объектом и предметом исследования она стала сравнительно недавно.

В статьях Р. М. Ханиновой изучена поэтика «Баллады о жалости» ('Зөргиг зүркнднь суулһдг болхнь...', 1976) Михаила Хонинова в аспекте новации и фольклорных традиций [Ханинова 2015: 118–125; Ханинова 2016: 403–407], поэтика баллады о войне в поэзии фронтовиков — Басанга Дорджиева («Тоһруна туск баллад» ('Баллада о журавлях', 1943), Морхаджи Нармаева («„Тигрлэ“ һар бэрлдлһн» ('Рукопашная с «Тигром»', 1987), Лиджи Инджиева («Булгин туск баллад» ('Баллада о роднике', 1987), Михаила Хонинова («Зургин туск баллад» ('Баллада о портрете', 1969); «Зөргиг зүркнднь суулһдг болхнь...» ('Если б в сердца пересаживать отвагу', 1976) [Ханинова 2019: 194–206].

Для калмыцкой баллады прошлого столетия характерны политическая и социальная направленность, ориентация на традиции русской советской баллады героического типа, отсутствуют же такие виды, как любовная баллада, баллада-пародия, рок-баллада [Ханинова 2019: 194], семейная баллада, бардовская баллада.

Поскольку для истории калмыцкой литературы не были свойственны сентименталистское, романтическое, модернистские и авангардные направления и течения, постольку в ней нет соответствующих им баллад. Калмыцкая баллада прошлого века разрабатывалась в русле тенденции литературы социалистического реализма советской эпохи. «Советская баллада — это сюжетное стихотворение на современную тему, выдержанное преимущественно в остром ритме» [Квятковский 1966: 56].

Выявлено несколько способов дефиниции калмыцкой баллады: 1) включение в название термина «баллада» по-русски с усечением окончания: «баллад», 2) включение такого термина только в подзаголовке, 3) без указания жанра, 4) включение термина «баллада» в русском переводе названия оригинального текста, даже если жанр не обозначен самим автором [Ханинова 2019: 195–196].

Основная часть

Исходя из современного понимания гибридности литературного жанра баллады, совмещающего лирическое, эпическое (повествовательная фабула) и драматическое (диалогические реплики персонажей) начала [Магомедова 2008: 26], обратимся к репрезентативным балладам Давида Кугультинова и Михаила Хонинова в сравнительно-сопоставительном плане для выявления состава и изучения поэтики таких произведений.

В поэзии Д. Кугультинова нет стихотворений, в названии или подзаголовке которых был бы обозначен искомый жанр. Четыре произведения манифестированы его переводчиками как «баллада» в названии или подзаголовке: «Баллада диких тюльпанов», «Баллада истребителя тьмы», «Баллада чистой совести» в переводе Михаила Дудина [Кугультинов 1980: 134–136], «Сон в замке (баллада)» [Кугультинов 1975: 14] в переводе Юлии Нейман. Эти тексты созданы автором в 1970–1980-е гг. Рассмотрим, насколько соизмеримы стратегии автора и переводчиков в этом плане.

Первое стихотворение в оригинале не имеет прямого названия, его первая строка: «Хавр гүргүдэн орад...», буквально «Весна в разгаре...», в дудинском переводе — «Баллада диких тюльпанов». Собственно фабульной основы, характерной для баллады, здесь нет. Радостная картина прекрасной разноцветными тюльпанами весенней степи в первой строфе сменяется в дальнейших строфах авторской печалью при виде того, как улыбающиеся люди (взрослые и молодежь), будто одержав победу, несут по городу охапки цветов, бросают их потом домашнему скоту. Без этих цветов, которые тогда останутся только в поэтических строках, степь опустеет. Отсюда риторические фигуры в тексте, в основном вопросительные формы: «Балһснд, тежэл кехэр / Бэрсн малдан тедн, / Хотлань семрхэр цецгүд / Ховдгльж таслсн болхв?» [Кугультинов 1982б: 151]. В смысловом переводе: «Неужели горожане рвут цветы, чтобы скормить домашнему скоту?». «Аль һахад өгдг / Авъятыгд невр кехэр / Мана теегт нээхлж / Мандлсн кеермж хорасм-би?» [Кугультинов 1982б: 151]. В смысловом переводе: «Неужели для того, чтобы дать свинье такой корм, нашей прекрасной

степи нужно вредить?». В заключительной строфе звучит призыв поэта: «Буйн болтха, үүрмүд, / Болһаж теегэн хэлэһит, / Үйнрт үлдх сээх / Үмтэж бичэ хораһит!» [Кугультинов 1982б: 152]. В смысловом переводе: «Ради бога, друзья, будьте осторожны, сохраните степь. Чтобы оставить для молодежи эту красоту, не рвите, не вредите!». В переводе Дудина: «Друзья, родства живые нити / Ищите в мире красоты. / И, как любовь свою, храните / Тюльпаны — дикие цветы» [Кугультинов 1988а: 247]. Это стихотворение не отвечает формальным признакам жанра баллады. По структуре оригинальный текст состоит из четырех неравномерных строф (40 строк), с использованием анафоры преимущественно парного вида, без определенной рифмовки и конечной рифмы, разностопный ямб. В русском переводе — пять неравномерных строф (40 строк) без риторических фигур, с перекрестной рифмовкой, чередованием мужской и женской рифм, четырехстопный ямб.

«Баллада истребителя тьмы» Д. Кугультинова, названная так в дудинском переводе, в оригинале именована «Харңһу идэч» (1980), буквально «Пожиратель темноты». По-калмыцки глаголы *идх* — ‘есть, кушать; съедать, пожирать’, *күдх* — ‘истреблять, уничтожать’, существительные *харңһу* — ‘темнота, потемки, мрак’ [КРС 1977: 264, 321, 580], *истребитель* — ‘хог таслач’ [ЯИК 2003: 153].

Данный сюжет основан на сновидении лирического субъекта. Перевод ленинградского поэта не передал адекватно эту сюжетную линию сновидения героя, затрудняя определение баллады, придавая повествованию монологический ракурс. «Харңһу идэч», впервые опубликованный в газете [Көглтин Д. 1980в: 4], состоит из 87 строк, не разделенных на строфы, с парной и сплошной анафорой, без строгой рифмовки и конечной рифмы, без определенного размера. В русском переводе — 80 строк, двустопный с парной рифмовкой и мужской рифмой, пятистопный ямб.

По композиции — это путешествие лирического субъекта вместе с водителем на машине по степной дороге ночной порой. Путешествие, дорога, ночь — устойчивые формальные балладные элементы. Вначале темнота вокруг светящихся фар мчащейся

машины создает в воображении пассажира метафизическую картину борьбы света и тьмы, добра и зла, придавая его размышлениям философский характер, актуализируя морально-нравственный аспект, присущие поэзии калмыцкого автора. «Харлж өмн күрисн / Харһу сөөһин уужмиг, / Хот, харһннн күн, / Ховдгар үмкжэх мет, / Мана адһж хурдлсн / Машина чичрсн герл, / Чилхэснь ээж, амнурн / Чикж ханлго хорана» [Көглтин Д. 1980г: 77]. В смысловом переводе: «Дрожащий свет спешащей машины, боясь потухнуть, ненасытно поглощает ртом встающую преградой впереди степную темноту». Ср. в переводе: «Ночная даль чернеет без конца, / Нет у нее ни формы, ни лица. // Свет желтых фар машины на лету / Захватывает с хода темноту, // Неумолимо движется вперед, / И рвет пространство ненасытный рот. // Перед машиной беспокойный мрак, / Отодвигаясь, пятится, как рак» [Кугультинов 1988б: 242]. Хозяин ночи словно простирает волосатые руки к водителю и пассажиру, угрожая бедой. Глаза лирического субъекта сами собой закрываются от страха, и он погружается в глубокий сон, воображая себя машиной, свои глаза — фарами, свои ноги — колесами. Так в обычную историю дорожного путешествия входит в форме сновидения фантастический элемент, традиционный для классической баллады. Образ темноты приобретает ускользающие от определения признаки, а лирический субъект преобразуется то в орла, то в волка, то в волну, то в ветер, чтобы поймать и связать тьму, где бы она ни была, поглотить ее без остатка.

Этот мотив перевоплощения, свойственный фантастической коллизии балладного жанра, близкий фольклору, демонстрирует мощь и разум человека в борьбе с извечным врагом. В конце стихотворения этот сон «истребителя тьмы» внезапно обрывается радостная песня об Элисте водителя при виде приближающегося города, и лирический субъект, вздрогнув, просыпается. «Эрг дора энкр / Элст цээж падрв. / Серсн бийм агчмд / Сээхн эн сарулыг / Харһу хораж би / Хальмгтан үүдэсн болв. „Менд, герл!“ — гиж, / Маасхлзж байрлад хээкрв» [Көглтин Д. 1980г: 78]. В смысловом переводе: «В низине засветилась огнями любимая Элиста. После того, как

проснулся, мне показалось, что эту красоту я, уничтожив темноту, возродил для калмыков. „Здравствуй, свет!“ — улыбаясь, радуясь, крикнул я». У М. Дудина: «И мысль моя открыта и чиста, / И в эту мысль приходит: „Элиста!“ / И возникает вдруг передо мной / В сиянье света мой очаг родной, / Как будто я его судьбе в ответ / Принес животворящий свет, / Во сне дорожном темный негатив / Извечной жизни жадно проглотив, / Грядущему и прошлому вослед / Кричу я, улыбаясь: „Здравствуй, свет!“» [Кугультинов 1988б: 243]. В переложении переводчика — это путешествие одного человека, вероятно для того, чтобы акцентировать сюжет-поединок истребителя тьмы, это философская концепция конфликта добра и зла. Для поэта, на наш взгляд, важнее единение человека с человеком в борьбе со злом, поэтому рядом с ним в машине водитель, один из тех, за кого сражается лирический субъект, один из тех, кто присоединится к этой войне. Антитеза ночной и дневной жизни усиливает балладную модель текста, но в ней одномирие, характерное для советской баллады, определяется сновидческим вектором. Здесь нет конкретизации сезонного времени и топонимического пространства, нет имен персонажей, диалогическая реплика лирического субъекта несет интертекстуальную отсылку к пушкинскому призыву («Да здравствует солнце!»).

В «Седклин диилвр» (буквально «Победа мысли/души», 1980), опубликованном вначале в газете [Көглтин Д. 1980а: 4], основу сюжета-поединка составил реальный эпизод из спортивной жизни. По-калмыцки «совесть» — ‘эрүн седкл’, «чистая совесть» — ‘цевр эрүн седкл’ [ЯИК 2003: 423]. В дудинском переводе — это «Баллада чистой совести». Переводчик обозначил жанр и уточнил доминирующий мотив: в боксерском поединке на ринге самим участникам понятнее, кто является победителем, а кому помогли судьи-арбитры, чемпионский авторитет.

Спустя пять лет после этой истории калмыцкий поэт обратился к спортивной теме, шире — к морально-этическим критериям не только в спорте, но и в жизни. Фамилия главного героя в тексте названа. Это украинский боксер в наилегчайшем весе, неоднократный чемпион СССР

и Европы, бронзовый призер чемпионата мира Владислав Засыпко. Тогда, в полуфинале VI Спартакиады народов СССР в Ташкенте в 1975 г., он, по сути, проиграл бой московскому боксеру Надырову, но судьи отдали по очкам предпочтение В. Засыпко, который в финальном поединке с другим боксером стал чемпионом. После окончания соревнования победитель через тренера Надырова передал свою золотую медаль полуфинальному сопернику, сразу уехавшему из Ташкента после поражения [Засыпко 2012].

Бабан Надыров в интервью журналу «Московский бокс» действительно не признал тогдашнего поражения и, несмотря на то, что получил от соперника золотую медаль, не успокоился, пока не победил его, став чемпионом страны 1976 г. «Как о человеке я могу о нём сказать только хорошее — скромный, честный и порядочный», — охарактеризовал он товарища по спорту [Надыров 2016].

Д. Кугультинов в своей балладе намеренно ушел от фактических деталей, от конкретизации времени, места и события: якобы эта передача золотой медали произошла во время соревнования на ринге, и зал восторженно поддержал волю чемпиона. «Нартын чемпион Алиг / Нокаутар Засыпко диилвчн, / Нег күүншц иигж / Ниргж зал босж, / Бахтж альхан ташад / Байрлж шуугшго биле! / Седклин диилврэс / жирһл / Сарулдсн болж медгдлэ» [Көглтин Д. 1980б: 79]. В смысловом переводе: «Если бы Засыпко нокаутировал бы самого чемпиона мира Али, зал, как один, аплодируя, не так шумно радовался бы тогда. А от победы совести жизнь стала как бы светлее».

В русском переводе нет сопоставления с американским боксером: «Потом восторг взрывает стадион, / Когда в середине на почетном круге / Своей медалью гордый чемпион / Соперника венчает по заслуге. // Как будто это праздник всех людей / Расходится и веселей, и шире. / И от победы Совесть светлей / И благородней делается в мире» [Кугультинов 1988б: 245]. Переводчик понятие совести выделяет заглавной буквой, шрифтом актуализируя необычный поступок спортсмена.

Структурно баллада включает 22 катрена, с парной и сплошной анафорой, но без

строгой рифмовки и рифмы, разноstopный ямб. В переводе объем в два раза меньше: 11 катренов, пятиstopный ямб. Здесь нет экспозиции: сразу звучит гонг, начинается поединок, венчающий финал золотой медалью. В оригинале трехчастная композиция. В первой части дана характеристика боксера: маленький рост, легкий вес. По ходу повествования выяснится величие духа спортсмена. Во второй части подробно показан поединок, сомнения главного героя в заслуженной победе во время полуфинала соревнования, несмотря на то, что он понимает: «Сүл берлдэн биш!», то есть это не последний в его жизни поединок. В третьей части — торжество справедливости и совести, когда золотая медаль передается чемпионом сопернику: он снимает с себя награду и молча вешает на шею побежденному им человеку. Поэт, во-первых, хотел показать мгновенное решение боксера, во-вторых, продемонстрировать всенародное единение спортсменов и болельщиков, триумф добра и совести. В такой истории смещаются хронологические границы спортивного эпизода, поскольку это был не финальный, а полуфинальный этап, и золотая медаль не могла появиться на ринге в тот момент.

Художественный вымысел автора становится допущением к необыкновенному событию, маркирующему балладный элемент произведения. Поэт сравнил боксерскую тактику украинца с полетом весенней бабочки: «Хаврин эрвэкэ мет / Халяд нисж эргнэ» [Көглтин Д. 1980б: 78], таким образом, усилив коннотации красоты, легкости, мастерства. В стихотворении указаны исторические персонажи: Мохаммед Али, Владислав Засыпко, при этом отсутствует имя Бабана Надырова.

В стихотворении «Зүүдн» («Сон», 1974) Д. Кугультинов обратился к иному материалу — к своим зарубежным путешествиям, в данном случае в Словакию. С «Балладой истребителя тьмы» «Зүүдн» сближается структурным элементом сновидения лирического субъекта. Переводчица Ю. Нейман эту связь с европейской балладой рыцарского типа подчеркнула в названии «Сон в замке», в подзаголовке (баллада), в упоминании короля Артура и рыцарей Круглого стола, хотя поэтом книги на рыцарскую тему не названы.

Оригинал состоит из трех неравномерных строф (99 строк), с неупорядоченной анафорой, рифмовкой и рифмой, разноstopный амфибрахий, перевод — из 19 строф, в основном четверостиший и двух двустиший (95 строк), с перекрестной рифмовкой, чередованием мужской и женской рифм, четырехstopный амфибрахий.

В оригинале композиция включает три части: во вступлении лирический субъект летом поселился в писательском доме отдыха, расположенном в старинном замке словацкого села Будмериц. В русском переводе такой подробной экспозиции нет, как и уточнения, что это графский замок. Поэт рад: единственный калмык, удостоенный такого временного пребывания. Чужое жилье, замок, воспоминания о рыцарских книгах, лунная ночь, одиночество подготавливают грядущий сон героя.

Завязка начинается с описания топота чьих-то ног, открытия двери и появления вдруг призрака-рыцаря с искрящимися глазами в комнате гостя. Встреча мертвого и живого, диалог между призраком и человеком присущ фантастической балладе, вспомним, например, английскую балладу Вальтера Скотта «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» [Скотт 1981: 253–264]. Но в калмыцкой балладе сновидческий дискурс в основной части наполняется неожиданным содержанием. На грозный вопрос хозяина в доспехах, кто тут, зачем сюда явился, гость, подумав, что на своей родине он ретировался бы, здесь же, решив, что в чужой стране лучше умереть, чем опозориться, в свою очередь спросил: а кто без спроса вошел сюда? Ср. упрощенный в психологическом плане этот эпизод в русском переводе: «Меня прошибает холодный пот. Кого мне судьба послала?» [Кугультинов 1988г: 173]. Для усиления таинственности и опасности момента переводчик придумал агрессивные действия призрака (поднял копьё, выставил щит, назвал постояльца призраком), показал реакцию человека (закипел от злости).

Услышав чужой голос, рыцарь внезапно изменил свое поведение: грозный тон исчез, он задрожал, как ветка, упал на колени, голос ослаб. «Өмд күн бээжлмт! / Гемим тэвти!» [Кугультинов 1982а: 105]. В смысловом переводе: «Оказывается, вы — живой человек! Прошу прощения!». Увидев льющиеся по полу рыцарские слезы (гипер-

бола), постоялец попросил его подняться с колен, уточнив: он — не король, а писатель. Это известие еще больше напугало пришельца, объяснившего литератору силу «волшебного слова» перед силой казни и пожаловавшегося на то, что мертвые беззащитны перед живыми на их суде, правом или неправом, над ними.

Писателю тяжело общаться с пришельцем из иного мира, не зная, как остановить эту необычную беседу. «Алц болж төгэлн / Энд-тендэн хэлэж / Ганцхарн бээсэн медүв» [Кугультинов 1982а: 106]. В смысловом переводе: «Странно себя чувствуя, оглянулся кругом, понял, что нахожусь один». Переводчик мотивировал исчезновение призрака классической причиной: ночь — время таких пришельцев из потустороннего мира, утром они покидают этот мир, границы между мирами закрываются и открываются в определенное время: «Рассвет разгорался. Исчезла тень» [Кугультинов 1988г: 174]. Автор же никак не объяснил, почему исчез рыцарь, отчего прервался сон его лирического героя.

Любопытно, что в этой балладе призраки боятся людей. Согласно переводчику, рыцарь потом молит писателя молчать о нем, боясь суда над собою. Судя по переводу, получается, что сновидец-автор не выполнил эту просьбу, написав свою балладу. «Сон в замке», по Нейман, заканчивается тем, что проснувшийся человек вспоминает сон, и целый день ему было чего-то стыдно. Зыбкая граница между жизнью и сновидением в тексте углублена переводчиком: тень «во сне приснилась, как видно. / Конечно, приснилась...» [Кугультинов 1988г: 174]. Сначала предположение, затем утверждение, что все случившееся — только сон и не более. Автор же закончил иначе: «Хэрү унттлан эн / Соньн зүүднэ тускар / Бишлхэл кежэхэд би, / Учр угаһар ичв» [Кугультинов 1982а: 106]. В смысловом переводе: «Перед тем, как вновь заснуть, я как бы в созерцании вспоминал странный этот сон, и без всякой причины устыдился». По Кугультинову, такая недоговоренность о беспричинном стыде — своего рода обращение к другому, расширение коммуникационного поля в диалоге автора с читателем. Моральный императив, восходящий к древнегреческому изречению Хилона: «О мертвых либо хорошо, либо ничего, кроме правды», трак-

туется до сих пор по-разному. Одна из интерпретаций — не злословить об ушедших в иной мир. Видимо, в таком контексте она присутствует в этой калмыцкой балладе.

В поэзии Михаила Хонинова балладе отведено значительное место. Это стихи, написанные в жанре баллады, с указанием в заглавии: «Зургин туск баллад» ('Баллада о портрете', 1969) [Хоньна М. 1969а: 4], «Кличевин туск баллад» ('Баллада о Кличеве', 1969) [Хоньна М. 1969б: 4], «Белоруссин ө-шуһу модна туск баллад» ('Баллада белорусских лесов', 1970) [Хоньна М. 1970: 4–5], «Үүлнэ туск баллад» ('Баллада о тучах', 1971) [Хоньна М. 1971: 60–63].

Это поэмы, обозначенные автором как баллады, например: «Салькнла бээр бэрлдсн баллада» ('Баллада о битве с ветром', 1967) [Хоньна М. 1967: 3–4], «Хальмг күүкнэ туск баллад» ('Баллада о калмычке', 1979) [Хоньна М. 1979: 4], пример синтеза жанров в его творчестве.

Среди хониновских стихотворений есть, как у Д. Кугультинова, маркированные переводчиками, например: «Баллада о пулеметчике» (1965), «Баллада о недокуренной сигарке» (1966), «Степная баллада» (1972), «Не хватает их (баллада)» (1976), «О птице, раненной в бою (баллада)» (1977), «Баллада о жалости» (1978).

«Баллада о портрете» рассмотрена в статьях З. Килгановой [Килганова 1971: 109–110], Р. Ханиновой [Ханинова 2019: 201–202]. Экфрасис в этой партизанской балладе связан с темой Ленина, героический сюжет перекликается с сюжетом «Баллады о синем пакете» Н. Тихонова. В авторской рукописи «Зэргиг зүркнднь суулһдг болхнь...» 'Если б в сердца пересаживать отвагу' есть подзаголовок «баллада». Сюжет-испытание в этой военной балладе [Хоньна М. 1978: 4] изучен в аспекте калмыцких фольклорных традиций Р. Ханиновой [Ханинова 2015: 118–125; Ханинова 2016: 403–407]. Основная тема большинства баллад поэта, фронтовика и партизана, — Великая Отечественная война, в основном они рассмотрены в настоящей статье.

Одна из ранних баллад — «Күцц эс тагдсн цигарк» ('Баллада о недокуренной сигарке', 1966) — посвящена легендарному калмыцкому полководцу Оке Ивановичу Городовикову, герою Гражданской войны. Она состоит из 15 неравномерных строф

(139 строк), с парной и сплошной анафорой, нестрого выдержанной рифмовкой, в основном перекрестной, мужской рифмой, шестистопный ямб. В русском переводе — это единый текст, с частичной «лесенкой» (136 строк), в основном с перекрестной рифмовкой, чередованием мужской и женской рифмы, хорей, отвечающий плясовому ритму. Композиционно баллада делится на три части. Во вступлении характеристика главного героя дана в эпической традиции «Джангара»: «Мана Ока Городовиковин һарнь / Мел Саврин һаршц күнд, / Арвн хурһнь альһндан үүмлдхлэрн / Атхж авсан тэвдго чаңһ» [Хоньна М. 1966: 3]. То есть автор сравнил его с тяжелоруким богатырем Саваром, который не упустит из своих рук ничего, если возьмет.

Сюжет стихотворения определен участием красного командира в Гражданской войне против Польши в 1920 г. Тогда после победы он прикурил сигарку, сделал ее из предложенной красноармейцами махорки, и предложил ее по кругу. Недокурился, командир, как потомок Джангара, отвалил большой валун, на котором сидел, положил сигарку, закрыл тем же камнем, обещав докурить ее.

Вернулся Ока с дивизией в Прибугский край по зову братьев-белорусов, вновь после победы добрался до знакомого валуна, достал из-под него половину недокуренной сигарки, закурил ее через двадцать лет. Описание кавалерийских атак, героизм красных бойцов, их гибель за свободу братских народов раскрывают героический сюжет, а сигарка, пролежавшая под огромным камнем и докуренная через двадцать лет, привносит в балладу элемент фантастического допущения, чуда.

Факт общего курения сигарки командиром и его конниками становится маркером боевого братства, своеобразной трубкой мира. Враги трудового народа Украины и Белоруссии автором названы польскими панами, а также ненасытными чертями («ховдг бирмс»), акцентируя в балладе политическую борьбу двух миров как борьбу добра и зла, чистой и нечистой силы, интерпретируя сюжетную коллизию двоимирия.

Автор закончил балладу, актуализировав эпические традиции героизма, упомянул богатыря Хонгора: «Хоңһрин ач — революцин салдс / Халхан дахулж сахлан мошкв»

[Хоньна М. 1966: 3]. В смысловом переводе: «Внуки Хонгора — солдаты революции закрутили усы». В переводе Николая Поливина: «Поклонился валуну / За такое чудо. / Дым махорочный глотнул — / Курится не худо!.. / Улыбается Ока — / Хороша примета: / Край Прибугский навека / С Родиной Советов!» [Хонинов 1972: 73–74]. Историческая рефлексия автора отразила дух того времени; новейшая история же корректирована распадом СССР, отразившегося в судьбе указанного региона.

Диалогическая составляющая текста — беседы командира с бойцами о борьбе за свободу, дружеское общение за куражом сигарки. Исторический вектор баллады определил ее топонимическое пространство: Европа, Польша, Украина, Белоруссия, Пинск, Балтийское море, Буг.

Фольклоризм произведения обусловлен обращением автора к родному эпосу: страна Бумба, легендарный конь Аранзал, богатыри Джангар, Хонгор, Савар, показ героической преемственности поколений.

В «Балладу о белорусских лесах» («Белоруссин ө-шуһу модна туск баллад») М. Хонинов ввел мотив военной хитрости: один партизан смог обмануть в лесу фашистский взвод, захватить в плен и доставить в штаб. Автор подчеркнул необычность случая, что подтверждает балладный признак произведения: «Белорусск ө-шуһу моднд, / өнгрсн дээнд / Басл туульла эдл инэдтэ, / Аальта йовдл үзгдлэ» [Хоньна М. 1970: 4]. В смысловом переводе: «В белорусских лесах прошлой войной бывало много сказочно смешного, странные случаи видали». Сюжет-поединок имеет характер воспоминания: «Теегин хальмг көвүнд / Тедн взводарн бэргдснднь инэнэв» [Хоньна М. 1970: 5]. В смысловом переводе: «Смеюсь [вспоминая], как взвод был захвачен степным калмыцким юношей». В переводе Анисима Кронгауза: «О, если он знал бы, / Что их приволок / Кочующий снайпер, / Кочевник стрелок, / Двадцатидвухлетний / Простой паренек» [Хонинов 1970: 44].

Баллада структурирована «лесенкой», с парной и сплошной анафорой, в основном с парной рифмовкой, с включением диалогических реплик (80 строк), разноstopный хорей. В русском переводе — четыре неравномерных строфы с перекрестной рифмовкой (79 строк), двухstopный амфибрахий.

Определенная неточность переводчика связана с определением национальности партизана: в начале текста — это белорусский паренек, в конце — уже кочевник-стрелок, то есть калмык.

«Үүлнэ туск баллад» («Баллада о тучах») также построена как воспоминание автора о прошедшей войне, поэтому и переводчиком-фронтовиком Марком Максимовым в русское название произведения введено оценочно-эмоциональное определение «гневные»: «Баллада о гневных тучах».

Вначале поэт рисует пейзажную картину: тучи, сгущаясь, плачут, молча кочуют по небу. Он объясняет безмолвность туч тем, что они ранены, во время гитлеровской войны были расстреляны. Поэтому они стали просить у ветра костыли, чтобы перемещаться поверху, а земля им ответила, что не хватит для этого деревьев. Когда же тучи попросили ветра найти им врача, земля ответила им, что его и тут не хватает.

Основной прием в балладе — олицетворение. Вся природа, таким образом, вступает в диалог. В русском переводе, наоборот, раненые тучи обращаются к войне, просят дать им бинты, она же им отвечает, что нет столько снега, чтобы всех забинтовать, когда же тучи просят у войны и у дороги костыли, война отвечает, что нет столько деревьев, чтобы всем хватило костылей.

Поэт задается риторическим вопросом, кто поможет бездомным тучам? Тучи вместе с партизанами воевали против врагов, принимая удар на себя. У Максимова тучи зывают к земле за помощью, чтобы она дала им солдата. И тогда наступила победа.

Автор вводит современный материал в произведение, напоминая о военных конфликтах, перечисляя «горячие точки» на планете: Камбоджа, Египет, Вьетнам. Тучи вновь ранены, они слепнут, ненавидят войну. Лирический субъект обращается с призывом к агрессорам: «Эй, үүл / бичэ хатн! / Кү алачнр, / тован автн!..» [Хоньна М. 1971: 63]. В смысловом переводе: «Эй, не стреляйте в тучи! Убийцы людей, уберите оружие!». В ответ прогремел гром. И лирический герой сжал кулаки. Гром, связанный с тучами, как бы выразил своим грохотом готовность помочь людям в борьбе со злом. Эта мысль в сжатом русском переводе отдана тучам. В своем монологе они отвечают лирическому герою, что их памяти нет по-

коя с той войны: «Но опять внизу под нами / Кое-где чадит земля. / То — забыв про сорок пятый, / Про истории урок, / Ходит факельщик проклятый / С новым факелом тревог» [Хонинов 1977: 120].

У Максимова в кольцевой композиции — от мирной картины дорог и полей, где потом вновь по тревоге собираются тучи, до утверждения туч («Мы, как память о Победе, / Носим по небу грозу») — активизирована тема исторической памяти. Образ грозы становится символом набата, колокола, призыва к защите мира. Диалогическая доминанта баллады проецирована на диалог с читателем. В оригинале 132 строки построены «лесенкой», с парной, перекрестной, сплошной анафорой, с нестрогой рифмовкой, двухстопный хорей; в сокращенном русском переводе — 18 неравномерных строф (90 строк), трехстопный хорей.

Та же тема исторической памяти, мотивированной личной памятью о погибших на войне товарищах, отразилась в балладе «Туршулын хаалһд йова» («Продолжают идти дорогой разведчиков») в переводе фронтовика Александра Николаева: «Не хватает их».

Сюжет построен на авторском воспоминании об одном эпизоде, когда три партизана отправились на разведку и не вернулись. В экспозиции поэт обозначил время и место основных событий. «Дөчн хурвдг жил / догшн үвлин сөөһэр, / даалһврта керг күцэхэр / хурвн көвүдин туршул / Гомель тал харла» [Хоньна М. 1976: 5]. В смысловом переводе: «В сорок четвертом году, морозной зимней ночью, чтобы выполнить задание, к Гомелю отправилась разведка из трех парней». Во второй строфе дан своего рода метатекст: «Эн хурвна нерн / эн шүлгим төрулв. / Турсунов, Ковшырка, Суворов — тедн дүүвр насарн / туршулын хаалһд йова» [Хоньна М. 1976: 5]. В смысловом переводе: «Имена этих трех и создали это стихотворение. Турсунов, Ковшырка и Суворов так и продолжают молодыми идти дорогой разведчиков». Размышляя об этом, поэт говорит о том, что не хоронили их, они просто ушли. Столько времени прошло, человек мог бы уже прийти, ожидание душу сдает. Риторическими вопросами автор пытается понять, что случилось: попали разведчики в засаду, поэтому и вестей нет, или, не выполнив задания,

они так и ходят в поисках новой возможности. Он сравнивает себя с матерью, всегда ждущей сына, ушедшего на войну, при каждом теперь полученном письме у него возникает надежда. Он вспоминает, как услышал от соседнего отряда Грицана, что трое его разведчиков на четвертые сутки переправились через трясины. Значит, они могли взорвать поезд. Тогда как командир роты он вызвал командира взвода Журавлева и спросил, явились ли ребята. Тот ответил, что, вероятно, они уже соединились с частями Красной Армии, более ничего неизвестно.

Возвращаясь в сегодняшний день, автор поясняет, что ночной порой, создавая стихи, когда ветер стукнет в дверь, вглядывается в окно, не вернулись ли товарищи. И заканчивает балладу кольцевой композицией, повторив вторую строфу. В стихотворении перечислены конкретные фамилии боевых побратимов. В русском же переводе две фамилии (Турсунов, Суворов) из четырех (Турсунов, Ковшырка, Суворов, Журавлев) заменены иными, но тоже реальными: пулеметчик Козлов, разведчик Прокопенко. И в этой интерпретации, несмотря на то, что известно о гибели троих разведчиков, лирический субъект думает о том, как ему не хватает их. Николаев ввел публицистический мотив: «<...> я по ночам стихи шепчу / и ручкой, / словно автоматом, / прицельно в грудь войны строчу. // Умри, война!» [Хонинов 1974: 60].

Оригинальный текст включает 14 строф из пятистиший, организованных разными видами анафоры (сплошная, парная, тройная), свободной рифмовкой и рифмой, диалогическими репликами, риторическими фигурами, разностопный ямб. По сравнению с переводом (тоже разностопный ямб) оригинал отличается лиризацией повествования, перефразированием калмыцкой пословицы о том, что похороненный не возвращается, а ушедший приходит.

Выводы

Из четырех изученных нами произведений Д. Кугультинова первое не отвечает жанру баллады. Несмотря на то, что сам автор не указал жанр, переводчики атрибутировали три его произведения как балладу. «Баллада истребителя тьмы», «Баллада чистой совести», «Сон в замке» написаны на морально-этические, нравственно-фи-

лософские темы. В двух из них мотивы путешествия и сновидения привносят фантастический элемент, раскрывают философскую концепцию борьбы добра и зла, показывают встречу мертвого и живого, переходы через границу потустороннего и посюстороннего миров, средневековый рыцарский антураж. Обращение автора к современности с помощью спортивной истории вводит в текст исторические лица, способствуя актуализации примеров из настоящей жизни. В трех стихотворениях о тюльпанах, истребителе тьмы и сне в замке есть калмыцкий вектор (степной ландшафт, персонажи-калмыки, автобиографизм), тексты балладного жанра динамичны, сюжетны, конфликтны.

В поэзии М. Хонинова балладный жанр транслирован автором как на малую форму (стихотворение), так и на среднюю форму (поэма-баллада). Для его военной баллады показательны автобиографизм, историзм,

фольклоризм, лиро-эпический характер, тема исторической памяти, сюжет-поединок, сюжет-испытание, героический мотив и фантастический компонент. Балладный стих в поэзии двух поэтов прошлого века не имел строгой связи с определенным метром, строфикой и рифмовкой, но включал обязательную анафору, что подтверждают примеры стихотворений обоих поэтов.

Другие хониновские баллады обращены к миру животных — поединку двух верблюдов-вожаков за власть («Степная баллада»), защите матерью-птицей своих птенцов от змеи («О птице, раненной в бою»). Исторический сюжет с опорой на фольклорные мотивы трансформирован в поэме «Баллада о калмычке», экологический сюжет — в поэме «Баллада о битве с ветром». Эта тема взаимодействия человека с миром природы, сохранения гармонического баланса — другое направление в балладном творчестве поэта, требующее дальнейшего изучения.

Источники

- Кугультинов 1980 — *Кугультинов Д.* Баллада диких тюльпанов. Баллада истребителя тьмы. Баллада чистой совести // *Нева*. 1980. № 4. С. 134–136.
- Кугультинов 1988а — *Кугультинов Д.* Баллада диких тюльпанов // *Кугультинов Д. Н. Собр. соч.* В 3-х т. Т. 3. Стихотворения, поэмы 1976–1986. Пер. с калм. М.: Худ. лит., 1988. С. 246–247.
- Кугультинов 1988б — *Кугультинов Д.* Баллада истребителя тьмы // *Кугультинов Д. Н. Собр. соч.* В 3-х т. Т. 3. Стихотворения, поэмы 1976–1986. Пер. с калм. М.: Худ. лит., 1988. С. 242–243.
- Кугультинов 1988в — *Кугультинов Д.* Баллада чистой совести // *Кугультинов Д. Н. Собр. соч.* В 3-х т. Т. 3. Стихотворения, поэмы 1976–1986. Пер. с калм. М.: Худ. лит., 1988. С. 244–245.
- Кугультинов 1988г — *Кугультинов Д.* Сон в замке // *Кугультинов Д. Н. Собр. соч.* В 3-х т. Т. 2. Стихотворения, поэмы / пер. с калм. М.: Худ. лит., 1988. С. 173–175.
- Кугультинов 1982а — *Кугультинов Д.* Зүүдн // *Кугультинов Д. Н. Собр. соч.* В 3 т. Т. 3. Стихи и поэмы. На калм. яз. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 104–106.
- Кугультинов 1982б — *Кугультинов Д.* «Хавр гүргүдэн орад...» // *Кугультинов Д. Н. Собр. соч.* В 3 т. Т. 3. Стихи и поэмы. На калм. яз. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 151–152.
- Кугультинов 1975 — *Кугультинов Д.* Сон в замке // *Литературная Россия*. 1975. 10 января. С. 14.
- Көглтин Д. 1980а — *Көглтин Д.* Седклин дилвр // *Хальмг үнн*. 1980. Апрельн 2. Х. 4.
- Көглтин Д. 1980б — *Көглтин Д.* Седклин дилвр // *Теегин герл*. 1980. № 3. Х. 78–79.
- Көглтин Д. 1980в — *Көглтин Д.* Харһну идэч // *Хальмг үнн*. 1980. Апрельн 2. Х. 4.
- Көглтин Д. 1980г — *Көглтин Д.* Харһну идэч // *Теегин герл*. 1980. № 3. Х. 77–78.
- Скотт 1981 — *Скотт В.* Замок Смальгольм, или Иванов вечер // *Английская поэзия в русских переводах (XIV–XIX века)*. Сборник / сост. М. П. Алексеев, В. В. Захаров, Б. Б. Томашевский. На англ. и русс. яз. М.: Прогресс, 1981. С. 253–264.
- Хонинов 1970а — *Хонинов М.* Баллада белорусских лесов // *Хонинов М. В. Битва с ветром: стихи и поэма*. М.: Сов. писатель, 1970. С. 42–44.
- Хонинов 1977 — *Хонинов М.* Баллада о гневных тучах // *Хонинов М. В. Подкова: стихи и поэма*. М.: Современник, 1977. С. 118–121.
- Хонинов 1972 — *Хонинов М.* Баллада о недокуренной сигарке // *Хонинов М. В. Все начинается с дороги: стихи и поэма*. М.: Современник, 1972. С. 70–74.

- Хонинов 1974 — *Хонинов М.* Не хватает их // Хонинов М. В. Орлы над степью: стихи. М.: Сов. писатель, 1974. С. 58–61.
- Хоньна М. 1970б — *Хоньна М.* Белоруссин ө-шуһу модна туск баллад // Теегин герл. 1970. № 2. X. 4–5.
- Хоньна М. 1978 — *Хоньна М.* Зөргиг зүркнд суулһдг болхнь... // Хальмг үнн. 1978. Октябрин 26. X. 4.
- Хоньна М. 1969а — *Хоньна М.* Зургин туск баллад // Хальмг үнн. 1969. Июлин 16. X. 4.
- Хоньна М. 1969б — *Хоньна М.* Кличевин туск баллад // Теегин герл. 1969. № 4. X. 98–99.
- Хоньна М. 1966 — *Хоньна М.* Күцц эс татгден цигарк // Хальмг үнн. 1966. Мартын 26. X. 3.
- Хоньна М. 1967 — *Хоньна М.* Салькнла бээр бәрлдсн баллада // Хальмг үнн. 1967. Июлин 30. X. 3–4.
- Хоньна М. 1976 — *Хоньна М.* Туршулын хаалһд йова // Хоньна М. Шүлг мини, делгр: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1976. X. 5–8.
- Хоньна М. 1971 — *Хоньна М.* Үүлнэ туск баллад // Хоньна М. Эрэсэн теңгр дор: шүлгүд болн поэм. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1971. X. 60–63.
- Хоньна М. 1979 — *Хоньна М.* Хальмг күүкнэ туск баллад // Хальмг үнн. 1979. Апрельин 20. X. 4; Апрельин 26. X. 4; Апрельин 27. X. 4.
- Sources**
- Khonina M. If Only Could We Transplant the Bravery into Hearts .... Khal'mg ünn. 1978. October, 26. P. 4. (In Kalm.)
- Khonina M. The Ballad of Belarusian Forests. Teegin gerl. 1970. No. 2. Pp. 4–5. (In Kalm.)
- Khonina M. The Ballad of Klichev. Teegin gerl. 1969. No. 4. Pp. 98–99. (In Kalm.)
- Khonina M. The Ballad of The Cigarette That Was Never Smoked till. Khal'mg ünn. 1966. March, 26. P. 3. (In Kalm.)
- Khonina M. The Ballad of the Kalmyk Woman. Khal'mg ünn. 1979. April, 20. P. 4; April, 26. P. 4; April, 27. P. 4. (In Kalm.)
- Khonina M. The Ballad of the Portrait. Khal'mg ünn. 1969. July, 16. P. 4. (In Kalm.)
- Khonina M. The Ballad of the Struggle against Wind. Khal'mg ünn. 1967. July, 30. Pp. 3–4. (In Kalm.)
- Khonina M. The Ballad of Thunderclouds. [Under Russia's Sky]. Poems. Elista: Kalm. Book Publ., 1971. Pp. 60–63. (In Kalm.)
- Khonina M. Those Who Follow the Path of Reconnaissance Scouts. [My Poem, My Path]. Poems. Elista: Kalm. Book Publ., 1976. Pp. 5–8. (In Kalm.)
- Khoninov M. The Ballad of Belarusian Forests. [Fighting the Wind]. Poems. Moscow: Sov. Pisatel', 1970. Pp. 42–44. (In Russ.)
- Khoninov M. The Ballad of The Cigarette That Was Never Smoked till. [It All Begins with the Road]. Poems. Moscow: Sovremennik, 1972. Pp. 70–74. (In Russ.)
- Khoninov M. The Ballad of Wrathful Clouds. [The Horseshoe]. Moscow: Sovremennik, 1977. Pp. 118–121. (In Russ.)
- Khoninov M. I Miss Them. [Eagles over the Steppe]. Poems. Moscow: Sov. Pisatel', 1974. Pp. 58–61. (In Russ.)
- Kugultinov D. At the Height of Spring .... [Collected works]. In 3 vols. Vol. 3. Poems. Elista: Kalm. Book Publ., 1982. Pp. 151–152. (In Kalm.)
- Kugultinov D. The Ballad of Clear Conscience. [Collected works]. In 3 vols. Vol. 3. Poems of 1976–1986. Transl. from Kalm. Moscow: Khudozh. Lit., 1988. Pp. 244–245. (In Russ.)
- Kugultinov D. The Ballad of the Darkness Extinguisher. [Collected works]. In 3 vols. Vol. 3. Poems of 1976–1986. Transl. from Kalm. Moscow: Khudozh. Lit., 1988. Pp. 242–243. (In Russ.)
- Kugultinov D. The Ballad of Wild Tulips. [Collected works]. In 3 vols. Vol. 3. Poems of 1976–1986. Transl. from Kalmyk. Moscow: Khudozh. Lit., 1988. Pp. 246–247. (In Russ.)
- Kugultinov D. The Ballad of Wild Tulips. The Ballad of the Darkness Extinguisher. The Ballad of Clear Conscience. Neva. 1980. No. 4. Pp. 134–136. (In Russ.)
- Kugultinov D. The Dream. [Collected works]. In 3 vols. Vol. 3. Poems. Elista: Kalm. Book Publ., 1982. Pp. 104–106. (In Kalm.)
- Kugultinov D. A Dream in the Castle. [Collected works]. In 3 vols. Vol. 2. Poems. Transl. from Kalm. Moscow: Khudozh. Lit., 1988. Pp. 173–175. (In Russ.)
- Kugultinov D. A Dream in the Castle. Literaturnaya Rossiya. 1975. January, 10. P. 14. (In Russ.)
- Kögltin D. The Darkness Extinguisher. Teegin gerl. 1980. No. 3. Pp. 77–78. (In Kalm.)
- Kögltin D. The Darkness Extinguisher. Khal'mg ünn. 1980. April, 2. P. 3. (In Kalm.)
- Kögltin D. The Victory of Soul. Khal'mg ünn. 1980. April, 2. P. 3. (In Kalm.)
- Kögltin D. The Victory of Soul. Teegin gerl. 1980. No. 3. Pp. 78–79. (In Kalm.)
- Scott V. Smaylhome Castle, or on the Eve of St. John. [English poetry in Russian translations (14th-19th cc.)]. Coll. works. M. P. Alekseev, V. V. Zakharov, B. B. Tomashevsky (comps.). Moscow: Progress, 1981. Pp. 253–264. (In Russ. and Eng.)

Литература

- Квятковский 1966 — *Квятковский А. П.* Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 376 с.
- Килганова 1971 — *Килганова З.* В атаку поднимался первым (о поэзии Михаила Хонинова) // *Килганова З. И. Поэты и время.* Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. С. 101–113.
- КРС 1977 — *Калмыцко-русский словарь.* 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Магомедова 2008 — *Магомедова Д. М.* Баллада // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко.* М.: Изд-во Кулагиной, Intrada, 2008. С. 26–27.
- Мусова 1977 — *Мусова Н. Н.* Патриотические мотивы в калмыцкой поэзии военных лет // *Национальные традиции и генезис социалистического реализма в калмыцкой литературе.* Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 82–98.
- Травников, Ольшевская 2006 — *Травников С. Н., Ольшевская Л. А.* «И всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет...» (Фольклорные и литературные истоки русской классической баллады) // *Русская баллада. История и теория жанра. Сб. научных статей.* М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2006. С. 3–33.
- Ханинова 2015 — *Ханинова Р. М.* «Баллада о жалости» М. Хонинова в аспекте фольклорных традиций // *XII Сургучевские чтения. Литература и журналистика в пламени войны: от Первой мировой до Великой Победы.* Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. С. 118–125.
- Ханинова 2016 — *Ханинова Р. М.* Баллада М. Хонинова о войне: фольклорные традиции и новации // *Кочевые народы юга России: исторический опыт и современность.* Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2016. С. 403–407.
- Ханинова 2019 — *Ханинова Р. М.* Баллада о войне в калмыцкой поэзии XX века // *Новый филологический вестник.* 2019. № 1. С. 194–206. DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00014.
- Засыпко 2012 — *Владислав Засыпко.* Баллада о чистой совести [электронный ресурс] // 19.06.2012 г. URL: <http://justboxing.net/legendy-boksa/vladislav-zasytko-ballada-o-chistoj-sovesti.html> (дата обращения: 18.04.2019).
- Надыров 2016 — *Бабан Надыров:* «Мастерство было, а вот удачи...» [электронный ресурс] // *Московский бокс,* 25.11.2016 г. URL: <http://moskvavringe.ru/boks-v-moskve-chempioni-moskvi-istoria-boksa-v-moskve/693-baban-nadyrov-masterstvo-bylo-a-vot-udachi.html> (дата обращения: 18.04.2019).
- moskvi-istoria-boksa-v-moskve/693-baban-nadyrov-masterstvo-bylo-a-vot-udachi.html (дата обращения: 18.04.2019)
- ЯИК 2003 — Я изучаю калмыцкий. Малый русско-калмыцкий словарь / Сост. И. К. Илишкин, Б. Д. Муниев, В. Д. Бадмаева, О. М. Шургучинова. На рус. и калм. яз. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 512 с.

References

- [I Study Kalmyk: a concise Russian-Kalmyk dictionary]. I. K. Ilishkin, B. D. Muniev, V. D. Badmaeva, O. M. Shurguchinova (comps.). Elista: Kalm. Book Publ., 2003. 512 p. (In Kalm. and Russ.)
- [Kalmyk-Russian dictionary]. 26 000 entries. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Khaninova R. M. M. Khoninov's war ballads: folklore traditions and innovations. [Nomadic peoples of South Russia: historical experiences and contemporaneity]. Elista: Dzhangar, 2016. Pp. 403–407. (In Russ.)
- Khaninova R. M. The Ballad of Ruth by M. Khoninov: a perspective from folklore traditions. [12th Surguchev Readings. Literature and Journalism in the Heat of War: from WWI to the Great Victory]. Stavropol: North Caucasus Federal Univ., 2015. Pp. 118–125. (In Russ.)
- Khaninova R. M. The war ballad in 20th-century Kalmyk poetry. *The New Philological Bulletin.* 2019. No. 1. Pp. 194–206 (DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00014). (In Russ.)
- Kilganova Z. He Who Was the First to Attack (revisiting Mikhail Khoninov's poetry). [Poets and Time]. Elista: Kalm. Book Publ., 1971. Pp. 101–113. (In Russ.)
- Kvyatkovsky A. P. [Poetic dictionary]. Moscow: Sov. Entsiklopediya, 1966. 376 p. (In Russ.)
- Magomedova D. M. Ballad. [Poetics: a glossary of actual terms and concepts]. N. D. Tamarchenko (ed.). Moscow: Kulagina Publ., Intrada, 2008. Pp. 26–27. (In Russ.)
- Musova N. N. Patriotic motifs in Kalmyk poetry of the war period. [National traditions and genesis of Socialist realism in Kalmyk literature]. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1977. Pp. 82–98. (In Russ.)
- Nadyrov, Baban. ['There Was Mastery, But When It Came to Good Luck ...']. An Internet resource: <http://moskvavringe.ru/boks-v-moskve-chempioni-moskvi-istoria-boksa-v-moskve/693-baban-nadyrov-masterstvo-bylo-a-vot-udachi.html> (accessed: 18 April 2019). (In Russ.)

- Travnikov S. N., Olshevskaya L. A. 'Surrounded by Fatal Flames, One Can Escape No Fate of His ...' (folklore and literary sources of the Russian classical ballad). [The Russian ballad: history and theory of the genre]. Coll. articles. Moscow, 2006. Pp. 3–33. (In Russ.)
- Zasytko, Vladislav. [The Ballad of Clear Conscience]. An Internet resource: <http://justboxing.net/legendy-boksa/vladislav-zasytko-ballada-o-chistoj-sovesti.html> (accessed: 18 April 2019). (In Russ.)

